

Мѣсто выхода ея:.....

Дата и № 43.

23/

1910.

„Двери, двери!“ ..

— Какая тишина, какая страшная могильная тишина!—невольно вырвались эти слова у современного писателя-интеллигента въ надгробномъ словѣ у праха В. О. Коммиссаржевской...

Какая тишина!—Слова жизни, любви, впервые прозвучавшіе въ устахъ Коммиссаржевской со сцены на ея дебютѣ, уже не ею сказанныя, проводили ее до могилы.

Но къ этимъ двумъ словамъ прибавились еще два слова... Какая страшная, могильная тишина!

Невольно въ этихъ двухъ лишнѣхъ словахъ выразилась вся глубина невѣрующей, сомнѣвающейся современной человѣческой души. Кончена жизнь. Могильная, страшная тишина объемлетъ все. Не донесется отсюда голосъ любимого человѣка—все кончено. Умерла чайка, оставивъ по себѣ только воздушные взмахи крыльевъ... уйдутъ люди, знавшіе ее,—и ничего не останется.

Но пока живы эти люди, они лихорадочно стараются хоть какъ-нибудь закрѣпить память о дорогомъ человѣкѣ здѣсь на землѣ. Газеты полны В. О. Коммиссаржевской, полны и храмы; но полны только ради имени ея, а не Того Святого, молитвеннымъ домомъ Котораго должны быть—этотъ храмъ.

Тотъ, кому хоть разъ-два приходилось быть на панихидахъ по какому-то ни было общественному дѣятелю—знаетъ, что не для благоговѣйной молитвы объ отлетѣвшей душѣ собираются люди на панихиду или похороны, черными, шумными толпами стремятся почитатели покойного въ храмъ. Нерѣдко въ толпѣ то тамъ, то сямъ мелькаетъ красный лоскутъ—флагъ, символъ революціи... Слышатся пѣсни: то поется „вѣчная память“, то раздается: „Вы жертвой пали въ борьбѣ роковой“, то вдругъ слышенъ свистъ, начинается перепбранка съ городскими и конными жандармами. А какъ недавно еще пѣсня „вѣчной памяти“, спѣтая толпой, повторялась, быстро—быстро сказанная дьячкомъ надъ свѣжей

могилой городского, облитого сѣрной кислотой или убитого наповаль выстрѣломъ въ день демонстраціи!..

Теперь, слава Богу, кончились дни активной демонстраціи, но искры ея тлѣютъ въ слояхъ общества—и похороны, панихиды все еще остаются готовымъ костромъ для ихъ вспышки.

Итакъ, если, съ политической точки зрѣнія, панихиды являются только нежелательной демонстраціей, —это установленный фактъ,—то съ религиозно-нравственной они прямо являются недопустимой аномаліей въ церковной жизни. Панихида-демонстрація должна быть запрещена Церковью. Въ святое святыхъ христіанской общины не должны проникать язычники съ ихъ пѣсней вѣчной памяти на землѣ. Тамъ, въ христіанскомъ храмѣ поется молитва о вѣчной памяти по возставшемъ въ жизнь, обновленномъ человѣкѣ. Тамъ смиренно, во съ полной надеждой просится объ упокоеніи души со святыми, о принятіи этой души въ вѣчное блаженное созерцаніе Божества, о воцареніи ея тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста печали и воздыханію. Вѣдь, все это—звукъ пустой, не имѣющей смысла, для тѣхъ, кто лишилъ себя вѣры, вѣдь, это кощунственное поцрпаніе идеаловъ для „малыхъ сихъ“ великаго Христова стада?.. Люди, атеисты всѣхъ возрастовъ, придя въ храмъ, желаютъ какъ бы показать свою „прогрессивность“... Говорятъ, ходятъ, разсматриваютъ иконы, называя ихъ идолами, смѣясь зажигаютъ папироску о теплящуюся лампаду передъ ликомъ святого, зажигаютъ и объ свѣчу, которую держатъ въ рукахъ во время панихиды. Двери современного храма открыты всѣмъ: иди кто и когда хочетъ. И люди идутъ, идутъ во всякое время, не создавая того, куда идутъ; врываются въ храмъ и тогда, когда священнослужитель съ трепетно поднятыми вверхъ руками молится о ниспосланіи Духа Святого, молится о совершеніи таинства еucharistii... У дверей храма уже не стоитъ архангелъ, ограждающій входы; сорванъ, сброшенъ замокъ и съ дверей совѣсти человѣка. Двери широко раскрыты: войди кто куда хочетъ, тамъ пусто, тамъ никого нѣтъ... Все продано, отдано, растрачено. Да! Какая страшная, могильная тишина!

Въ то время, когда создавалась община христіанъ, когда впервые стали совершаться богослуженія, тоже своего рода панихиды по усопшимъ, убитымъ братьямъ,—на ихъ могилахъ въ криптахъ катакомбъ,—тогда ни одинъ язычникъ не могъ присутствовать при молитвахъ вѣрующихъ. Даже тѣ, что готовились къ принятію свѣта духовнаго, допускались только къ незначительной части литургіи. „Двери, двери!“—возглашалъ предстоящій (т. е. священникъ)... И двери, входы катакомбъ немедленно закрывались за тѣми, кто былъ допущенъ на время въ крипту, за тѣми, чьи сердца еще были открыты сомнѣнію или невѣрію. Исключеній ни для кого не было. Царь и рабъ подлежали одному неписанному закону. Самъ императоръ, могущественный полубогъ на землѣ, не могъ избѣжать этого, не могъ никогда проникнуть туда, гдѣ молились христіане. Ничто—ни страданіе, ни смерть—не могли заставить первыхъ христіанъ отдать сокровище души своей на критику, поруганіе тѣхъ, кто не вѣрилъ... Потомъ, когда подземныя, темныя часовни выросли въ огромные, къ небу стремящіеся храмы-церкви, когда христіанство стало господствующей религіей—молитвы-службы превратились въ правильно организованный культъ... Забылись многіе обычаи, утратилась чистота вѣры, затерялся и обычай храненія тайны богослуженія... Прошло время физической опасности, и люди забыли о второй причинѣ наложенія запрета быть всѣмъ на литургіи. И вотъ результатомъ этого является полная разнузданность въ публикѣ, входящей въ храмъ.

— Двери, двери!—возглашаетъ, какъ и прежде, священникъ,—во только голубая завѣса бѣжитъ по кольцамъ, скрывая алтарь отъ остальнаго храма. Въ серединѣ церкви и до паперти двигается та же шумная, ничего не знающая толпа молящихся и тѣхъ, кто скуки ради пришелъ въ церковь позѣвать.

„Покорнѣйше просить пожаловать въ такомъ-то часу въ Исаакіевскій соборъ на панихиду по В. О. Коммиссаржевской“,—стояло какъ-то на дняхъ на первой страницѣ, въ видѣ объявленія, въ одной изъ газетъ.

Сами того не зная, составители объявленія подписали себѣ приговоръ. Да, именно, пожаловать, какъ жалуютъ на балъ, базаръ или торжественную встрѣчу—просить современныхъ почитателей усопшихъ жаловать на панихиду по нимъ, на гражданскую тризну по умершимъ зовутъ они, а не на молитву. А Церкви, христіанской идеальной чистоты Церкви нѣтъ дѣла до подобнаго торжества. Она должна положить свое veto на превращеніе заупокойной молитвы въ языческой ритуаль.

Недавно телеграфъ принеся извѣстіе о томъ, что одинъ изъ епископовъ положилъ этому починъ. Потому дѣло выяснилось, и оказалось, что запрещеніе было не принципиальнаго, а какъ бы частнаго характера. Разрѣшеніе давалось, но давалось не въ тотъ часъ, который былъ удобенъ демонстрантамъ (въ назначенный актерами часъ въ соборѣ шла поздняя обѣдня).

Правъ, тысячу разъ правъ былъ бы епископъ, налагая это запрещеніе. Но тутъ, у насъ, какъ обыкновенно, кто въ лѣсъ, кто по дрова... Въ Саратовѣ налагаютъ запрещеніе, а въ Москвѣ—одинъ изъ священниковъ участвуетъ самъ въ чествованіи памяти усопшей, произноситъ рѣчь на панихидѣ объ искусствѣ!..

Не о прекрасной артисткѣ, которую мнѣ пришлось знать довольно близко одно время и воспоминаніе о которой сохранилось у меня самое свѣтлое, какъ о человѣкѣ, говорю я: за нее пусть молится Церковь вѣрующимъ, въ тишинѣ и благоговѣніи...

Но публичныя собранія въ ея или чью другую память пусть совершаются иначе! Само общество понимаетъ это, идетъ на встрѣчу этому пожеланію. Въ Москвѣ въ художественномъ обществѣ впервые совершился опытъ гражданской панихиды. Говорились рѣчи, приносились

вѣнки къ подножію портрета, пѣлась вѣчная память.

Говорилось все это отъ души, искренно, открыто... кощунства тутъ не было и нѣтъ. Поддерживать должны всѣ вѣрующіе подобныя порывы.

Должна и Церковь твердо сказать: Идите, пойте вѣчную память на землѣ вашимъ героямъ, въ этомъ нѣтъ грѣха... Но, разъ вы вошли въ храмъ Божій, помните великія слова мудрости и вѣры первыхъ вѣковъ: двери, двери!..

Эмме.